

Саквояж генерала А.М. Зайончковского

А.В. Ганин

Вопрос о тайных связях бывших офицеров Генерального штаба из состава РККА с белыми труден для изучения. Каждое новое свидетельство с конкретными фактическими сведениями представляет большую ценность. Публикуемый ниже отрывок из воспоминаний белого офицера касается Орловско-Кромской операции — одной из решающих операций гражданской войны, когда Добровольческая армия достигла своих максимальных успехов на пути к Москве. В этот момент, 1(14) октября 1919 г.¹, адъютант временно исполнявшего должность начальника штаба 13-й армии красных А.М. Зайончковского, бывшего генерала от инфантерии, оставшись по его приказу в занятом добровольцами Орле, передал белым кожаный саквояж с оперативной документацией и планами командования 13-й армии, предупредив, таким образом, штаб 1-го армейского корпуса Добровольческой армии о высадке в тылу белых и дальнейших действиях Ударной группы в составе Латышской стрелковой дивизии и 8-й кавалерийской дивизии червонного казачества. Данное свидетельство, обнаруженное Ф.Ю. Ефремовым, принадлежит начальнику штаба Корниловской ударной группы² Генерального штаба подполковнику К.Л. Капнину.

Штаб Корниловской ударной группы по получению оперативных документов красных разработал план действий. Было решено экстренно заменить части группы, расположенные в Орле, резервом командующего 1-м армейским корпусом (формировавшиеся 3-й офицерский генерала Маркова пехотный и 3-й офицерский генерала Дроздовского стрелковый полки) и двинуть в наступление части Корниловской ударной группы (1-й и 2-й Корниловские ударные полки общей численностью свыше 4 тыс. штыков (в том числе не менее 20% офицеров и 20% добровольцев) при 6 легких артиллерийских батареях и большом количестве пулеметов) в западном направлении. Используя знание намерений и дислокации красных, они должны были разбить их по частям. 3-я пехотная дивизия (дроздовцы) одновременно должна была начать наступление на север.

Однако этот план не был реализован. Резерв командира корпуса оставался в стадии формирования и, по мнению штаба корпуса, не мог быть перебросен на передовую³, а оставление Орла корниловцами произвело бы, по мнению того же штаба, дурное впечатление на войска и общественность. В итоге было принято половинчатое решение, не отвечавшее серьезности положения: приказом по 1-й пехотной дивизии от 2(15) октября 1919 г. Корниловской ударной группе предписывалось частью сил упорно оборонять Орел, а другой частью (2-й Корниловский ударный полк — около 2 тыс. штыков, 40 пулеметов, 8 легких и 4 тяжелых орудия) разбить Ударную группу красных. По мнению Капнина, данное указание исходило от начальника штаба 1-го армейского корпуса Генерального штаба генерал-майора Е.И. Достовалова⁴. В итоге не была решена ни та, ни другая задача: 2-й Корниловский ударный полк в

Ганин Андрей Владиславович — аспирант Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

боях 3—5 (16—18) октября понес колоссальные потери (до 60% личного состава), а части Добровольческой армии были вынуждены 7 (20) октября оставить Орел.

Белое командование по разным причинам (в основном из-за отсутствия резервов) не сумело использовать уникальную возможность разбить красных, пользуясь точными данными об их расположении и намерениях. Несмотря на это, сведения, переданные Зайончковским, позволили корниловцам избежать полного уничтожения под Орлом и нанести значительный урон Ударной группе красных, что было признано и в советской историографии⁵. Факт столь существенного содействия Добровольческой армии со стороны одного из наиболее известных военспецов РККА весьма показателен.

Автор воспоминаний, Константин Львович Капнин, родился в 1890 г. в дворянской семье (его отец был штаб-офицером). Капнин окончил Сумской кадетский корпус, Александровское военное училище (1909 г.) и ускоренный курс Академии Генерального штаба (1917 г.)⁶. В дальнейшем служил в качестве штаб-офицера для поручений при штабе 10-го армейского корпуса. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию. Принимал участие во 2-м Кубанском походе, служил в штабах 1-й пехотной дивизии и Одесской бригады. Начальник штаба Корниловской ударной группы, позднее — Корниловской ударной дивизии (с 6 ноября 1919 г.). 26 марта 1920 г. Капнин был произведен в полковники. Эмигрировал в Чехословакию. В 1945 г. арестован в Праге и умер в лагерях на территории СССР.

Публикуемый отрывок был написан в 1925 г., примерно за год до смерти А.М. Зайончковского. В СССР воспоминания Капнина попали в составе Русского заграничного исторического архива в 1946 году. Таким образом, свидетельство Капнина на судьбу генерала Зайончковского никакого влияния не оказало. Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей источника.

Из воспоминаний К.Л. Капнина о боях Добровольческой армии под Орлом осенью 1919 года

Настоящий очерк имеет целью осветить один факт из Орловского периода истории Добровольческой армии, оставшийся до сих пор неизвестным широкой части русского общества, а именно, присылку нам командующим⁷ XIII советской армией генералом Зайончковским⁸ важных оперативных документов штаба этой армии...

[1 (14) октября 1919 г.] Около полудня я вернулся в штаб нашей группы, где дежурный офицер мне доложил, что меня ожидает какой-то красный офицер, имеющий сообщить мне нечто весьма важное.

Приказав немедленно провести его в оперативную комнату, направился туда и сам.

Через несколько минут ко мне вошел небольшого роста молодой человек лет 24, в офицерской шинели мирного образца, но без погон, отрекомендовавшийся личным адъютантом Командующего XIII Советской армией генерала Зайончковского.

По его словам, ген[ерал] Зайончковский, сочувствуя в душе нам, но вынужденный служить в Красной армии, приказал ему остаться при отступлении красных войск в Орле. По занятии же Орла Добровольческой армией явиться в какой-либо наш штаб, где и доложить обстановку, царящую в Красной армии, для ее наилучшего нами использования. В доказательство правдивости своих слов бывший офицер раскрыл большой кожаный саквояж, находившийся у него в руках, подав его мне.

Саквояж был наполнен оперативными документами штаба XIII Советской армии, оперировавшей тогда против нас.

При этом мое внимание адъютант генерала Зайончковского обратил на большую карту 10-верстного масштаба, на которой была детально по дням размечена высадка в районе ст. Шахово—Карачев (см. схему № 3)⁹ особой латышской стр[елковой] дивизии и 8[-й] конной дивизии Червоного казачества¹⁰, перевозимых для производства решительного контрудара с иного фронта.

Боевой состав этой ударной группы был очень внушительный, а именно, свыше 12 000 штыков (9 стр[елковых] полков) и 3000 шашек (6 кон[ных] полков)¹¹, что в связи с обученностью и дисциплинированностью этих частей (по словам адъютанта) делало положение наше в Орле очень серьезным.

На карте было отмечено по дням и дальнейшее направление этих частей после высадки для удара в общем направлении Кромь—Малоархангельск, то есть на никем не обороняемый 30-верстный прорыв между Корниловской группой и правым флангом 3[-й] пех[отной] дивизии (Дроздовцы).

Другая, менее серьезная группа, в которую, между прочим, входила, к счастью для нас, теперь уже почти не существующая 55[-я] стр[елковая] дивизия, должна была наступать также на Малоархангельск из района несколько восточнее станции Золотухино.

Таким образом, общий план Красного Командования был таков:

Согласованным наступлением вышеупомянутых двух групп окружить и совершенно уничтожить Корниловскую ударную группу, глубоким клином вошедшую в расположение противника ¹².

Этим разгромом Корниловцев осуществлялся широкий прорыв на Курском направлении, который неминуемо должен был вызвать наше отступление на широком фронте ввиду отсутствия у Добров[ольческой] Армии крупных резервов.

Просмотрев бегло и остальные документы, для детального изучения которых надо было несколько дней, я сделал необходимые выписки и отметил на своей карте все могущее иметь значение для предстоящих действий Корниловцев. После этого приказал немедленно приготовить паровоз и, по докладу Командующему группой полковнику Скоблину ¹³, отправил этого важного перебежчика, со всеми без исключения принесенными им документами, в штаб дивизии под конвоем двух офицеров.

В тот же день вечером означенное лицо, пройдя штаб дивизии, было доставлено в штаб 1го арм[ейского] корпуса, находившийся в Курске.

Из всего вышеизложенного ясно, что план красных был задуман широко.

Также ясно, что документы, присланные генералом Зайончковским (пусть даже из побуждений самострахования ¹⁴), имели огромную оперативную ценность. Последующие действия Красных вполне подтвердили их абсолютную правдивость.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ),
ф. 5881, оп. 2, д. 380, л. 2, 21—26. Автограф.

Примечания

1. Даты приводятся как по старому стилю, принятому у белых, так и по новому.
2. Подробнее об участии корниловцев в решающих боях «похода на Москву» см.: ЛЕВИТОВ М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж. 1974, с. 327—375.
3. В действительности уже 7(20) октября на фронт был вызван 3-й Марковский полк, еще через день полк участвовал в боевых действиях (ПАВЛОВ В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Кн. 2. Париж. 1964, с. 118).
4. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 380, л. 31.
5. См., напр.: ДУБИНСКИЙ И.В., ШЕВЧУК Г.М. Червонное казачество. Киев. 1987, с. 100, 102.
6. ВОЛКОВ С.В. Белое движение. М. 2003, с. 237.
7. Автор неточен.
8. Зайончковский Андрей Медардович (1862—1926) — генерал от инфантерии (1916 г.). Из дворян Орловской губернии, окончил Орловскую военную гимназию Бахтина, Николаевское инженерное училище, Николаевскую Академию Генерального штаба (1888 г.) по первому разряду. Генерал-майор (1905 г.). Награжден золотым оружием «За храбрость» (1906 г.). Военный теоретик и историк. Генерал-лейтенант, начальник 22-й (1912 г.), затем 37-й (1912—1915 гг.) пехотных дивизий. Командир 30-го армейского корпуса, участник наступления Юго-Западного фронта летом 1916 года. Командир 47-го армейского корпуса. Командующий Добруджинской армией. Отстранен от командования после оставления армией Добруджи. Командир 18-го армейского корпуса. Уволен от службы с мундиром и пенсией (1917 г.). С 1918 г. — в РККА. Временно исполнял должность начальника штаба 13-й советской армии (3 июля 1919 — 26 февраля 1920 г.). Профессор Военной академии РККА (1922—1926 гг.).
9. Схема не публикуется.
10. Речь идет о Латышской стрелковой дивизии под командованием А.А. Мартусевича (с 20 октября 1919 г. — Ф.К. Калнина) и о 8-й кавалерийской дивизии Червонного казачества под командованием Н.К. Щелокова.
11. По другим данным, 9700 штыков и сабель (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М. 1987, с. 422).
12. Из доставленных нам документов было видно, что красным известны не только боевой состав нашей группы и вообще частей 1[-й] пех[отной] дивизии, но и фамилии и чины начальников их, до командиров полков, а иногда и батальонов включительно. — *Примеч. Калнина.*
13. Скоблин Николай Владимирович (1894—1938) — генерал-майор (1920 г.). Участник первой мировой войны. Прапорщик (1914 г.), штабс-капитан, вступил в 1-й ударный (позднее — Корниловский ударный) отряд (1917 г.). Участник 1-го Кубанского «Ледяного» похода. Полковник (1918 г.), командир Корниловского ударного полка. Начальник Корниловской ударной группы, затем дивизии. Эвакуировался из Крыма в Галлиполи. В эмиграции в Болгарии и Франции. В 1930 г. был завербован советской разведкой и участвовал в похищении председателя Русского общевоинского союза генерала Е.К. Миллера (1937 г.). Разоблаченный, бежал в Испанию, где и погиб.
14. В связи с успешным продвижением Добровольческой армии к Москве.